

С. А. МАКСИМОВ (Ижевск)

О ПЕРМСКОМ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ СУФФИКСЕ
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ЛОКАЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ —
УДМ. *-ñi* / КОМИ *-in*

Abstract. On a Permian Nominal Suffix of Local Orientation: Udmurt *-ñi* / Komi *-in*

The article describes the Udmurt suffix *-ñi* of local orientation and identifies its morphological and some of its syntactic properties. The origin of the suffix is investigated in detail. The process of the morpheme development is reconstructed in the light of secondary contacts of the Permian languages. The article also provides data on its functional analogue *-in* used in the Komi languages. The research is conducted considering the areas where the suffix is used and its dialectal doublet *-ti*.

Keywords: Udmurt language, Komi languages, morphology, suffix of local orientation, grammaticalization, areal aspect, contacts of Permian languages.

1. Введение

Суффикс *-ñi* (*-n'u*) в удмуртском языке присоединяется к отглагольным существительным на *-(o)n*, образуя слова с локальным значением. При этом конечный звук основы *-n* палатализируется под влиянием палатального звука присоединяемой морфемы. Примеры: *аран'н'u*¹ 'место жатвы' (< *аран* 'жатва' < *араны* 'жать'), *вэтлон'н'u* 'место, где ходят, тропинка' (< *вэтлон* 'хождение, ходьба' < *вэтлыны* 'ходить' *турнан'н'u* 'место косьбы, покос' (< *турнан* 'косьба' < *турнаны* 'косить') и т. д. В коми языках удмуртскому суффиксу функционально соответствует формант *-ин* (*-in*): *оланін* 'жилище, место жилья', *вунданін* 'место жатвы', *дзэбанін* 'кладбище, место захоронения' (Кривошекова-Гантман 1967 : 117; Федюнева 1985 : 93).

Исследуемая тема досконально не изучена, информация часто ограничивается упоминанием о функционировании суффикса *-н'u* в том или ином диалекте, причем обычно отмечается только локальное значение морфемы. Выдвигаются и версии о ее происхождении. Новейшие работы более информативны, но описывают суффикс лишь в отдельных диалектах, а новые гипотезы о происхождении не решают проблему, а ведут к новым дискуссиям.

¹ Языковые материалы без указания источника — собственные наблюдения автора.

Цель исследования — по возможности полно описать данный суффикс в удмуртском языке, выявить его морфологические значения и некоторые синтаксические свойства, а также актуализировать информацию о его функциональном аналоге в коми языках. Приводятся новые доводы в пользу нашей версии о происхождении суффикса (и бесермянского варианта *-n'u*) (Максимов 1998 : 41—42). Максимально учитываются ареалы функционирования суффикса и его функционального аналога *-ti* (*-ti*) в удмуртских диалектах; реконструировано его развитие с учетом вторичных контактов в пермских языках; представлена гипотеза о формировании ареалов употребления суффиксов *-n'u* и *-ti* в современных удмуртских диалектах.

2. Краткая история фиксации словоформ с морфемой *-n'u* и ее исследования

Одна из первых публикаций с упоминанием слова с суффиксом *-n'u* — словарь Ф. Видеманна: *vyžanni: vyžanni ozon* 'паром' (Wiedemann 1880 : 510). В словаре Б. Мункачи, изданном в 1896 году, представлено *ulon-ni* 'место жительства, место пребывания', зафиксированное в глазовском диалекте (Munkácsi 1990 : 106—107). Слова с тем же суффиксом можно найти у Ю. Вихманна, например, по глазовскому диалекту *kełonni kunoka* 'хозяин ночлега' (Wichmann 1901 : 159):

- (1) *kurbon šotoñnaz vîdem řžññ* 'после того как совершил жертвоприношение, он лег спать (в лесу)' (Wichmann 1901 : 140).

По бесермянскому диалекту:

- (2) *šiiškoññâ-zř lřktiz teł-keř* 'когда они ели, сюда пришел вихрь' (Wichmann 1901 : 164).

В словарь Т. К. Борисова 1932 года, по подсчетам Р. Ш. Насибуллина (1972 : 193), вошли 35 слов с суффиксом *-n'u* и указанием на принадлежность к северному наречию.

Во второй половине прошлого века данный суффикс привлек внимание местных ученых, исследователей северных диалектов удмуртского языка. Так, В. М. Вахрушев (1959 : 23) отмечает, что наличие особого словообразовательного суффикса *-ni* (*-n'u*) — характерная черта северного диалекта. Т. И. Тепляшина зафиксировала слова с суффиксом *-n'u* в нижнечепецких говорах (1970б : 168). Употребление суффикса *-n'u* А. А. Алашеева считает морфологической особенностью верхнечепецкого диалекта и приводит примеры: *c'uc'kon'n'u* (лит. *сисъкон инты*) 'место, где кушают', *эмэз'ан'n'u* (лит. *эмезян инты*) 'место, где собирают малину' и др. (Алашеева 1982 : 92).

Некоторые особенности функционирования специфических словообразовательных суффиксов существительных *-ti* и *-ni* со значением 'место действия' в средневожосточных говорах обнаружил С. К. Бушмакин. Он указывает, что *-ni* характерен для шарканского говора и восточной части сосновского подговора: як.-бод., виш. *užanti* (< *užan* + *inti*), сосн., шарк. *užanni* (< *užan* + *inti*) 'место работы, рабочее место', як.-бод., виш. *aranti*, сосн., шарк. *aranni* 'место жатвы'; як.-бод., виш. *turnanti*, сосн., шарк. *turnanni* 'покос; участок, отведенный или предназначенный

для косьбы'; як.-бод., виш. *vetlonti*, сосн., шарк. *vetlonni* 'место, предназначено для прихода, встреч; путь' (Бушмакин 1969 : 61–62).

Суффикс *-n'u* в ниже-, средне- и верхнечепецком диалектах отражен в трудах Л. Л. Карповой (1990 : 68; 1991 : 163; 1997 : 99–100; 2005 : 65–66; 2016а : 111–112; 2016б : 216–217 и др.). В частности, она отмечает, что «В кезском говоре верхнечепецкого диалекта, наряду с формами на *-n'u*, в той же функции sporadически встречается словообразовательный элемент *-ти*, идентичный по значению суффиксу *-n'u* [---]. В дебёссском говоре верхнечепецкого диалекта для обозначения места действия используется только синтаксическая конструкция — отглагольное существительное + *мэста* (< рус. *место*): *улон мэста* 'место жительства', *аран мэста* 'место жатвы'» (Карпова 2016б : 216–217).

Две словоформы с *-n'u* В. К. Кельмаков (1970 : 283) зафиксировал в кукморском говоре: *vandoń-ni* 'место, где перерезано горло животного при убое', *õson-ni*: *õsonnijam koškiz* 'меня затошнило', досл. 'пошло в мое рвотное место' (*õson* 'рвота'). В конце прошлого века в этом говоре нам удалось записать лишь одно слово с *-n'u* — *вандон'n'u* 'атлант, атлас — первый шейный позвонок, на котором сидит череп', букв. 'место, где режут, перерезают'. В относительно новых описаниях суффикса В. К. Кельмаков кукморский материал не приводит (например, Kelmakov, Saarinen 1994 : 107; Кельмаков 2006 : 126–127).

Как уже отмечено, из северовосточных удмуртских диалектов суффикс *-n'u* не употребляется в дебёсских говорах, распространенных между ареалами кезского и шарканского, в которых функционируют исследуемая морфема или ее варианты. Этот факт не вполне вписывается в логику развития языковых явлений в современных удмуртских диалектах, в связи с чем мы обратились к работе Т. И. Тепляшиной о тыловайском диалекте, распространенном на юге Дебёсского района и сопредельных территориях других районов (Тепляшина 1955). В работе описаны словоформы с элементом *-н-* в тыловайском говоре, автор относит их к падежным формам: «*у́жаннын* 'на работе', *у́жаннысь* 'с работы', *у́жанныэ* 'на место работы', *у́жаннысен* 'с места работы' [---] от *у́жан* (букв. 'работание') 'работа'. Данные формы образуются только от отглагольных существительных с суффиксом *-он/-ён, -н* и употребляются в местном значении» (Тепляшина 1955 : 159–160). По мнению Т. И. Тепляшиной, они образовались на базе послеложной конструкции типа **кёлон инын* (лит. *кёлон интыын*) 'на месте ночевки (спанья)', в которой послелог *ин-* произошел от существительного *ин* 'место'. (1955 : 161). В подобных конструкциях гласный послелога *и* выпал и они перестали восприниматься как послеложные конструкции: **кёлон инын* > *кёлоннын* 'на месте ночевки'. Она предполагает, что послеложной конструкции могло предшествовать сочетание самостоятельных слов: *кёлон ин* 'ночевки место' (Тепляшина 1955 : 162).

По нашему мнению, описанные формы восходят к словам с конечным *-ни* (*-ni*), у которых в результате выпадения гласного *и* перед падежными показателями начальная форма утрачена. Аналогом может послужить среднечепецкий диалект, в котором в словах с конечным *-n'u* почти во всех местных падежах перед падежным аффиксом

выпадает гласный *и*: им. п. *пу коран'н'и* 'место, где рубят дрова; делянка', но мест. п. *пу коран'н'ын* 'на делянке'. В направительном падеже, редком для этих существительных, выпадения конечного гласного не происходит, как и в субъектно-объектных падежах. В винительном и творительном падежах гласный может выпадать или сохраняться, например, в творительном, наряду с *пу коран'н'ийэн* 'с делянкой' возможно и *пу коран'н'эн*. Парадигма склонения слов с конечным *-н'и* в среднечепецком диалекте представлена в таблице.²

Склонение конструкции *пу коран'н'и* 'делянка'

Падежи	Падежные формы
Именительный	<i>пу коран'н'и</i> 'делянка' (< 'место рубки дров')
Винительный	<i>пу коран'н'и-йэз</i> (<i>коран'н'эз</i>) 'делянку'
Родительный	<i>пу коран'н'и-лэн</i> 'у делянки (имеется)'
Разделительный	<i>пу коран'н'и-лэс'</i> 'от делянки; у делянки (взять)'
Дательный	<i>пу коран'н'и-лы</i> 'делянке'
Лишительный	<i>пу коран'н'и-тэк</i> 'без делянки'
Соответственный	<i>пу коран'н'и-йа</i> 'по делянке, в соответствии с делянкой'
Творительный	<i>пу коран'н'и-йэн</i> (<i>коран'н'-эн</i>) 'с делянкой'
Местный	<i>пу коран'н'-ын</i> 'на делянке'
Входной	<i>пу коран'н'-э</i> 'на делянку'
Исходный	<i>пу коран'н'-ыс'</i> 'с (из) делянки'
Отдалительный	<i>пу коран'н'-ыс'эн</i> 'с (от) делянки; на делянке'
Переходный	<i>пу коран'н'-ыг'и</i> (<i>коран'н'-ыки, коран'н'-эт'и</i>) 'по делянке (ходить)'
Направительный	<i>пу коран'н'и-лан'</i> 'в сторону делянки'
Предельный	<i>пу коран'н'-оз'</i> 'до делянки'

Причиной сокращения полнокровного функционирования описываемой лексико-семантической группы слов в тыловайском диалекте могли послужить не только и не столько фонетические явления, сколько междиалектные смешения, связанные с историей заселения территории.

В бесермянском наречии исследуемый суффикс функционирует в нескольких вариантах. Так, в своей монографии Т. И. Тепляшина (1970б : 177—178) отмечает, что в языке бесермян имеется суффикс *-ńig*, который образует существительные от глаголов с указанием места: *араńńig* 'место жатвы', *турпаńńig* 'место косьбы'; он бытует параллельно с суффиксом *-ńi*. В работе, посвященной бесермянскому наречию, В. К. Кельмаков (1992 : 96, 100) приводит слова *аран'н'иг* 'место жатвы' и *турнан'н'ик* 'место косьбы' с глухим согласным в конце словообразовательной морфемы. Указанный суффикс и деепричастная форма на *-(o)ńńiga-* достаточно подробно описаны в статье М. Н. Усачевой и Н. В. Сердобольской (2015 : 371), которая содержит информацию о том, что, помимо формы на *-ńig-* от некоторых носителей бесермянского диалекта зафиксирован вариант *-ńik-*. В монографии Н. М. Люкиной, в которой описываются фонетика и морфология бесермян на со-

² Приведена обобщенная схема без учета вариантов гласной *ы*, которая в говорах среднечепецкого диалекта может реализоваться в трех разных произносительных нормах.

временном этапе, представлена информация о том, что морфема *-ńig* (*-ńik*) со значением места совершения действия функционирует в лекминском и ворцинском говорах, а в юндинском говоре в аналогичной функции используется суффикс *-ńi*, который спорадически употребляется и в речи лекминских информантов (Люкина 2016 : 83—84).

3. Происхождение морфем *-н'и* (*-ни*) и *-н'из*

3.1. По поводу происхождения описываемого суффикса мнения ученых расходятся. Большинство (Вахрушев 1959 : 235; Лыткин, Тепляшина 1959 : 169; Бушмакин 1969 : 62; Кривошекова-Гантман 1967 : 117—118; Тепляшина 1970б : 168; Кельмаков 1970 : 283; Федюнева 1985 : 95; Карпова 1990 : 68; 1991 : 163) считают, что он образовался от самостоятельного слова *инты* 'место'.

Исследуя суффикс *-in* (*-ni*) в пермских языках, Б. А. Серебренников отмечал, что «суффикс *-in* употребляется в языке коми для образования имен существительных от причастий на *-an* и прилагательных со значением места, где происходит действие или что-либо находится, например: *olan-in* 'место жилья, жилище', *puvja-in* 'место, где растет брусника', *kozja-in* 'ельник'. В удмуртском языке этот суффикс имеет форму *-ni*, например: *aran-ni* 'место жатвы' (*aranj* 'жать'). Суффикс восходит к самостоятельному слову 'место', ср. коми3 *in* 'место'» (Серебренников 1963 : 147). Аналогичное предположение высказывала Т. И. Тепляшина, правда, только в отношении происхождения тыловайских форм на *-n*. Л. Л. Карпова (1997 : 99—100; 2005 : 65—66; 2016а : 111—112; 2016б : 216—217) считает изложенную версию более вероятной, чем предыдущая.

3.2. Из двух мнений о происхождении описываемого суффикса мы придерживаемся второго. Возможно, первоначально слово *ин* как самостоятельное употреблялось в праудмуртских диалектах не только с *n*-овыми отглагольными образованиями, но и с другой категорией, допустим, с прилагательными, как в современных коми-зырянском и коми-пермяцком языках, или с *m*-овыми причастиями. К примеру, в буйско-таныпском говоре,³ по сведениям Р. Ш. Насибуллина, подобным образом с помощью суффикса *-ti* образуются существительные с локальным значением как от отглагольных существительных на *-n*, так и от причастий на *-m* и прилагательных с *-tem*: *čigem-ti* 'перелом, слом', *vutem-ti* 'безводная местность' (Насибуллин 1972 : 195—196).

Аналогично в праудмуртских диалектах могли употребляться словосочетания типа **kizo in* 'ельник', **čigem in* 'сломанное место', *vutem in* 'безводная местность'. Однако из них суффиксы не сформировались, по видимому, потому что слово *инты* (**инти*) вытеснило из употребления лексему *ин*. Сохранилось оно лишь в отдельных выражениях, например, *инэ басьтыны* 'принять во внимание (к сведению), учесть', *иназ кошкыны (мыныны)* 'пойти (идти) на пользу' (УРС 1983 : 167). До выхода из самостоятельного употребления *ин* слилось с отглагольными существительными на *-(o)n*, в результате образовался суффикс *-н'и* (< *-ни*). Это-

³ В работе речь идет о закамских говорах, на самом же деле, исходя из указанных административных единиц, автор в статье оперирует материалами буйско-таныпского говора — одного из пяти закамских говоров (удмуртских диалектов Закамья).

му процессу могло способствовать наличие двух одинаковых носовых согласных, отделенных лишь узким *и*, испытанным метатезу: *ужан *ин* > *ужан-ин* > *ужан-ни* > *ужан-н'и* > *ужан'-н'и* 'место работы'; ср. сев. сч. (Дондыкар) *н.наз'э*⁴ ~ < *н^нназ'э*⁵ < *нуназ'э* 'днем', юж. (Стар. Утчан) *нназ'э* ~ *н^нназ'э*⁶ < *нуназ'э* то же, срз. (Удугчин) *ынаээ* < *ын(н)аээ* < *н^ннаээ* < *нунаээ* то же.

3.3. По внешнему виду и в некоторой мере по значению бесермянский суффикс *-н'иг* (*-н'ик*) приближается к русской морфеме *-ник*: *малинник*, *земляничник*, *березник* и т. д. Как известно, даже такие суффиксы, как *-ой*, *-ей*, *-ск-ой*, *-н-ой* и т. п. в удмуртском языке не продуктивны, хотя имеется много русских заимствований с соответствующими концовками. Учитывая сказанное и принимая во внимание то, что суффиксы из одного языка в другой заимствуются сравнительно редко, полагаем, что суффикс *-н'иг* – это вариант морфемы *-н'и*. Русский язык в данном случае, по-видимому, лишь способствовал появлению конечной согласной.

Если принять во внимание версию о русском источнике конечного согласного бесермянского суффикса, предметом дискуссии станет вопрос о его озвончении. Есть разные мнения о причинах вариативности глухих и звонких согласных в бесермянском наречии. Однако спорадическое озвончение наблюдается во многих удмуртских диалектах, в том числе в соседствующих с бесермянскими среднечепецких говорах. В результате наблюдений мы пришли к выводу, что в большинстве случаев озвончение / корреспонденция согласных зависит от фонетического окружения или связано с заимствующим языком. В данном случае предполагаем русский источник, поэтому приведем несколько примеров русских заимствований, в которых наблюдается варьирование ауслота: бес. *погрэб*, *погрэг*, *погрэд*, *погрэк* 'погреб' (Кельмаков 1992 : 99) < рус. *погреб*, сч., глаз. *жук* ~ *жуг* 'жук' < рус. *жук*, сч., глаз. *копот'* ~ *копод'* 'пыль' < рус. *копоть*, сч., глаз. *укроп* ~ *укроб* 'укроп' < рус. *укроп*. Как известно, в абсолютном конце слова русские звонкие согласные оглушаются, хотя в иных благоприятных для того позициях остаются звонкими. Конечные оглушенные согласные в удмуртском языке в большинстве случаев осваиваются как звонкие. Как видно из примеров, по аналогии со звонкими согласными ауслота в удмуртских диалектах звонкими могут восприниматься и изначально глухие согласные. Считаем, что подобная гиперкоррекция произошла и в бесермянском суффиксе *-н'иг* (см. об этом в Максимов 1998).

М. Н. Усачева и Н. В. Сердобольская выдвигают гипотезу о сопоставлении суффикса *-níg* с коми-зырянским конвербом *-ig-(en)* (< прап. **-iki*), с тем же значением, что и *-níg* в деепричастной функции. Они считают, что в этом случае *-níg* исторически членится на элементы *ń* и *ig*. Элемент *ń* возводится к маркеру вторичных пространственных падежей бесермянского и северного наречий, который является суффиксом, имеющим «значение нахождения в чьем-либо жилище (являющийся средством выражения локализации DOMUS)» (Усачева, Сердобольская 2015 : 371–372). Эта гипотеза у нас вызывает определенное

⁴ *н* – вокалическое произношение сонорного согласного *н*.

⁵ *н(-)* – редуцированное произношение гласного *ь*.

⁶ *н(-)* – редуцированное произношение гласного *ы*.

сомнение, поскольку соответствием показателя коми-зырянского деепричастия на *-ig-(en)* в бесермянском является *-кь (-kə/-kə)* (Тепляшина 1970б : 212, 267, 279; Люкина 2016 : 131—132), аналогом которого в литературном языке и большинстве других удмуртских диалектов выступает морфема *-ку* (диал. *-кы, -кь*). В соответствии с последними исследованиями, под влиянием северноудмуртских говоров возникла свободная альтернатива *-кə* и *-ку* (Люкина 2016 : 132). Авторы неоднократно подчеркивают отсутствие деепричастий с указанным суффиксом в бесермянском наречии (Усачева, Сердобольская 2015 : 371, 389—390). Малоубедительно и возведение элемента *ń* к морфеме с более узкой семантикой 'жилье, домашний очаг', а не к суффиксу *-н'и (< in 'место')* с локальным значением.

4. Некоторые лексическо-семантические, морфологические и синтаксические особенности форм с показателем *-н'(и)/-н-* (< *-н'и*)

4.1. Практически во всех публикациях у слов с суффиксом *-н'и* выделяется только локальное значение. Отмечается, что словоформам с суффиксом *-н'и* в большинстве диалектов и в литературном языке соответствуют сочетания со словом *инты* (диал. *мэста*) 'место'. Однако подобные сочетания далеко не всегда тождественны первым, которые, помимо значения места действия, могут обозначать конкретные объекты, например, *йыр чышкон'н'и а)* 'место где-нибудь, уголок в доме, квартире, где периодически кого-то постригают' (\approx^7 *йыр чышкон инты/мэста*); б) 'отдельный салон (предприятие), где производят стрижку (и т. п.) — парикмахерская (= *парикма:хэрской*)'; в) в местных падежах: 'процесс стрижки и место, где в данный момент кого-то постригают' (\approx *йыр чышкон*; подробнее: п. 4.2). Соответствующим образом *пыдкук ту-пат'т'ан'н'и* может обозначать не просто место, где ремонтируют обувь, а обувную мастерскую; *дис' мис'кон'н'и* — не только место, где стирают (полощут) белье, но и комнату (постирочную), а также предприятие (прачечную). Имеются и названия анатомических органов: *н'ылон'н'и* 'горло' (< 'место, через которое глотают'; < *н'ылыны* 'глотать, проглотить'), *кыз'ан'н'и* 'половой орган' (< 'место, через которое мочатся'; < *кыз'аны* 'мочиться').

Обратный словарь удмуртского языка содержит 83 слова с морфемой *-ни (-ńi)* и 42 слова с морфемой *-тй (-ti)* (Насибуллин, Дудоров 1992 : 32, 34—35). В нормативных словарях ранее они считались диалектными, но в последние десятилетия активно вводятся в литературный язык, поскольку удобны и экономичны как термины с семантикой места. В указанном словаре по приблизительным подсчетам более 8 тысяч отглагольных существительных на *-(о)н*. Теоретически от каждого может образоваться новое с суффиксом *-н'и*. При необходимости названная группа слов могла бы значительно обогатить словарный запас литературного языка.

4.2. Из первоначального локального значения у существительных в местных падежах и с показателем *-н'(и)/-н-* развились дополнительные смысловые оттенки, которые можно назвать морфологическими значениями.

⁷ \approx — приблизительное равенство; = — эквивалентное равенство

4.2.1. Процесс, действие (и коллектив, задействованный в этом процессе). Примеры:

- (3) *с'ис'кон'н'ити тати эн вэтлэ!* 'не ходите там, где едят!' — вч. (д. Ст. Гыя);
- (4) *шудон'н'ъс' толон уйшор бэрэ гинэ пьрим* 'с игр мы вчера только после полуночи пришли' — сч. (д. Дондыкар) (ПМА);⁸
- (5) *н'имыс'тыз пуконнэ потэ вылэм* 'специально выходил [чтобы идти] на посиделки' — сред. (д. Лялыпур) (Кельмаков 1981 : 242).

Подтверждением того, что в приведенных примерах описываемые слова выражают не только процесс, но и коллектив, служит употребление в литературном языке в аналогичных ситуациях послеложных конструкций с основой *пӧл-* 'среда, окружение': *шудон'н'ъс'* — *шудон пӧлысь* 'с игр', *шудон'н'э* — *шудон пӧлы* 'на игры, в коллектив, который играет', *шудон'н'ън* — *шудон пӧлын* 'на играх' и т. д. Но все же у этих слов одновременно актуализируется и локальное значение.

4.2.2. В северном наречии слова с показателем *-н'* во входном (редко в предельном) падеже, по нашим наблюдениям, могут выражать степень действия или ситуацию, в которой оказался или мог бы оказаться субъект или объект:

- (6) *тин' та улонэд къчэ луиз* — *курас'кон'н'э вутти:зъ н'и ужас' калъкэз* 'вот ведь жизнь какой стала — до нищеты довели уже рабочий народ' — сч. (д. Дондыкар);
- (7) *бырон'н'э вуко ни вал* 'чуть до гибели не дошел' — вч. (Ст. Гыя);
- (8) *скалйость оз'ъмэ эн лэз'* — *кӱарэтон'н'э шэд'од* 'коров на озимь не пускай, а то дело до ругани дойдет' — сч. (д. Дондыкар).

В литературном языке, как и в названных говорах, словам с показателем *-н'* в приведенных выражениях синонимичны сочетания *-(о)н-*овых отглагольных существительных со словом *калэ* 'до какого-либо состояния, положения, до какой-либо степени', например, вместо *бьрон'н'э* можно употребить *бырон калэ*.

4.3. Слова с описываемым суффиксом могут быть разными членами предложения, в том числе изредка и определениями: *шудон'н'и корка* 'игорный домик; домик, балаган, сооруженный детьми для игр' (ср. *шудон корка* 'игрушечный дом'), *улон'н'и корка* 'жилой дом'; примеры из п. 2: *вуžаннi озон* 'паром', *кӱлоннi кунока* 'хозяин ночлега'. Это еще одно отличие от синонимичных сочетаний с *инты*, которые в этой роли не употребляются.

5. Обстоятельственные/деепричастные значения форм с показателем *-(о)н'н'а/--(о)нна-* (< *-(о)н* + *-н'и* + мест. п. + посессивый суффикс)

5.1. Временно-процессуальное значение:

- (9) *tɨnat pɛraʃɛ korka-sigʔs̄ uʃiz ɯaʃkoŋn̄az no kulŋŋ medɛ ɲi jun!* 'моя жена упала при спуске с чердака и уже почти умирает (= уже близка к тому чтобы умереть)' — глаз. (Wichmann 1901 : 153);

⁸ ПМА — полевые материалы автора; указано в том случае, если в тексте собственные материалы автора чередуются с другими источниками.

- (10) *zəmjaškəsa vetlońnaz, kak ras bočkalen paś vatsas bāžze urdem* 'когда (волк) ходил разнюхивая, свой хвост приподнял как раз до уровня дыры' — сев. (д. Котегово) (Kel'makov, Saarinen 1994 : 182);
- (11) *кудиз аранназы ук пинал вайылизы* 'некоторые прямо на жатве рожали детей' — сред. (д. Шонер) (Кельмаков 1981 : 218); см. также примеры (1), (2).

В данных примерах слова с *-(o)н'н'а/--(o)нна-* можно заменить деепричастиями на *-ку*: вместо *цаškońnaz* (*џас'кон'н'аз*) — *џас'кькуз*, вместо *vetlońnaz* (*вэтлон'н'аз*) — *вэтлькуз*; в примере 11 *аранназы* можно трактовать не только как 'на жатве', но и 'во время жатвы' = *аракуззы*. Смысл предложений при этом практически не меняется. Приближение существительных с суффиксом *-ti* в некоторых случаях к деепричастиям на *-ки* в закамских говорах отмечает Р. Ш. Насибуллин, приводя пример:

- (12) *keřišmĭ, kĭnolke mĭnon-ti-jaz, šures vĭle kĭmmĭsa kulem* 'наш сосед, когда шел в гости, замерз и умер на дороге'.

Далее он пишет: «Существительное *mĭnon-ti-jaz* имеет зависимое слово *kĭnolke* 'в гости' и образует оборот, похожий на деепричастный, который можно перевести на русский язык как придаточное предложение времени» (Насибуллин 1972 : 195). Как отмечено, основное значение существительных на *-ti*, как и слов на *-ńi* (*-н'и*), — локальное.

5.1.1. В большей части срединных говоров и в южном наречии, а также в литературном языке вместо приведенных форм употребительны отглагольные существительные на *-(o)н* в соответственном падеже с показателем *-(o)нĭа-* ~ *-(o)нĭя-*, которые, подобно описанным словам, имеют временно-процессуальное значение. Примеры:

- (13) *мынонĭам малпас'конэ ус'кэм* 'ехала я и задумалась' — сред. (д. Ниж. Тылой) (Кельмаков 1981 : 209);
- (14) *дыртонĭам гун'дис'ко н'и вал* 'в спешке (из-за спешки) чуть не подавился' — сред. (с. Б. Жужгес) (ПИМА);
- (15) *okpol ĭuleskđti šĭjon uččasa vetlonjaz pumiškem so doto čeber nālen* 'однажды, когда ходил по лесу, разыскивая пищу, он повстречался с очень красивой девушкой' — юж. (д. Кады-Салья) (Kel'makov, Saarinen 1994 : 278);
- (16) *sožđ pukonjas solen čajez ut đr sijam* 'пока так сидела, ее чай постепенно остыл' — юж. (д. Ст. Салья) (Kel'makov, Saarinen 1994 : 282).

В отношении словоформ с показателем *-(o)н'н'а/--(o)нна-* в северной диалектной зоне, можно предположить, что они являются результатом формального и функционального совпадения отглагольных образований на *-(o)н* в соответствующем падеже с формами, возникшими от существительных на *-н'и/-ни* в местном падеже: < *-(o)н* + *-н'и* + мест. п. + посессивный суффикс. Обоснуем это предположение

Во-первых, в определенных диалектных группах функционируют их аналоги, восходящие к суффиксам со значением места действия; прежде всего это морфема *-(o)нтийа-* ~ *-(o)н-ти-ĭа-* (< *-ти* < **инти* 'место'), ср. срв., закам. *мынон-тийаз* 'когда он шел, пока он шел' < *мынон-ти* 'место, где идешь', *пукон-тийаз* 'когда он сидел, пока он сидел' < *пукон-ти* 'место, где сидят; сиденье'. К этой морфеме по основным функциям близки

бесермянские образования на $-(o)n'n'iga-$ ($< n'ig$), например, *мънон'н'игаз* 'когда он шел, пока он шел' $<$ *мънон'н'иг* 'место, где идешь'; (о деепричастных формах на $-(o)n'n'iga-$, см. Усачева, Сердобольская 2015 : 369–390).

Во-вторых, в северной диалектной зоне притяжательный суффикс у существительных в соответствующем падеже присоединяется к основе, а не к падежному аффиксу, например: соот. п. *мынон-мы-йа* 'в соответствии с нашим ходом', ср. *мынон'н'а-мы* 'когда мы шли, пока мы шли'; хотя формы отглагольных существительных на $-(o)n$ с притяжательным суффиксом в соответствующем падеже в северной диалектной зоне практически не употребляются. В то же время естественны подобные образования от причастий / отглагольных имен на $-(э)м$, например: *мынэм-мы-йа* 'в соответствии с нашим ходом; по мере того как мы идем (шли)'. В южной диалектной зоне в этом случае падежный маркер предшествует притяжательному аффиксу: юж. *мынэм-йа-мы* то же. Таким образом, словоформы на $-(o)n'n'a-$, если даже первоначально возникли как формы в определенном падеже, в настоящее время соотносятся скорее с соответствующими существительными локального значения на $-n'u$.

5.2. Значение причины: вч. *калгон'н'аз* (лит. *калгемениз*) 'из-за того что гулял' (Алашеева 1982 : 92).

(17) *шудон'н'аз с'ис'конэз с'арыс'ик вунэтиз ни*. 'Со своими играми даже о еде уже забыл' — сч. (д. Ст. Гыя) (ПМА);

(18) *мон т'апайтоннам огнам кыл'ис'кэм* 'я, провозившись, остался один' — сев. (д. Зюзино) (Кельмаков 1981 : 160).

В примерах слова с показателем $-n'/-n-$ можно заменить отглагольными образованиями на $-(э)мен$, которые в предложении, как правило, выражают причину. В данных примерах *шудон'н'аз* соответствует *шудэмэныз*, *т'апайтоннам* — *т'апайтэмэным*. В (14) причину передает и *дыртонйам* с показателем $-онйа-$.

6. Современное состояние суффикса (суффиксоида) *-ин* в коми языках

Уже приводилось мнение о том, что с помощью коми суффикса *-in* образуются существительные от причастий на *-ап* и прилагательные со значением места, где происходит действие или что-либо находится (Серебренников 1963 : 147). Многие исследователи считают, что этот вторичный формант в коми языке менее других продвинулся по пути превращения в суффикс, не случайно конструкции с *-ин* (*-in*) некоторые считают сложными словами (Бубрих 1949 : 64; Кривошекова-Гантман 1967 : 117; Федюнева 1985 : 93).

Г. В. Федюнева отмечает, что *-ин* находится на ранней стадии грамматикализации и в современном коми языке функционирует как полусуффиксальный элемент. С одной стороны, он выступает как компонент сложных слов или даже устойчивых словосочетаний в своем прямом лексическом значении. «С другой стороны, в коми языке имеются случаи суффиксального использования элемента *-ин* (*-in*). Во всяком случае его превращение в суффикс уже началось, о чем сви-

детельствует не только регулярность в образовании однотипных словообразовательных связей, но и наличие явного сдвига в сторону грамматикализации»: *сьыланінысь дугдїсны* 'перестали петь', букв. 'из пения перестали', *куланінысь лолзис* 'был при смерти, но выжил', букв. 'из процесса умирания ожил'. В подобных примерах можно выделить общее грамматическое значение элемента *-ин* — абстрактное выражение процесса действия (Федюнева 1985 : 94).

Интересны параллели данных конструкций в удмуртском языке. В литературном и в диалектах им соответствует образование с *-(э)м*-овым причастием: *крызам-ысь дугдїзы* 'перестали петь', *кулэм-ысь улзиз* 'был при смерти, но выжил'. Синонимом последнего примера в северном наречии может быть и конструкция с показателем *-н'и*: *кулон'н'ыс'тыз султиз* 'был при смерти, но встал'. Г. В. Федюнева приводит и примеры, позаимствованные у Ф. Й. Видеманна, где основное значение суффикса — временное: *tölystöm-in* 'безлунное время', *zörtöm-in* 'время без дождя, не дождливое время', а также обобщенно-абстрактное *vöžörtöm-in = vöžörtöm-lun* 'безрассудство, нецелесообразность'.⁹ Далее она представляет подобные образования из присыктывкарского диалекта: *ныв сетанін* 'свадьба', *ворсанін* 'вечеринка, посиделки' и из словаря Н. Рогова: *вериттöмін* 'безверие' < *вериттöм* 'безверный', *нештöмін* 'безобразие' < *нештöм* 'безобразный'. Но в отношении последних примеров отмечает утверждение А. С. Кривошековой-Гантман о том, что в современном коми-пермяцком языке таких слов нет (Федюнева 1985 : 94—95).

В целом можно констатировать, что рассматриваемый элемент *-ин* в коми языках еще не прошел стадию трансформации в полноценный суффикс, хотя в некоторых случаях налицо его грамматикализация. В соответствии с данными письменных источников, явление было характерно и для коми-пермяцкого языка, но впоследствии процесс по неизвестным причинам прервался, хотя конструкции с локальным значением употребительны до сих пор: *көзъяин* 'ельник', *волькытін* 'гладь, равнина', *чегöмин* 'место разлома', *пыдынін* 'глубокое место' (Кривошекова-Гантман 1967 : 117; 1985 : 602). В подобных словах комиП *-ин* функционально ближе всего к суффиксу, «поскольку в этом языке самостоятельное слово *ин* заменено русским словом *места* и поэтому нет соотносительных словосочетаний с компонентом *-ин*» (Кривошекова-Гантман 1967 : 117).

7. Гипотеза о путях развития суффиксов *-н'и* и *-ти* в удмуртском языке и их территориальном распространении

Обзор публикаций позволяет определить ареал исследуемого объекта в удмуртском языке: а) северное наречие: нижне- и среднечепецкий диалекты (*-н'и*), верхнечепецкий диалект — кезский говор (*-н'и* ~ *-ти*), дебёсский и тыловайский говоры (рефлекс *-н-*); б) шарканский говор средневосточного диалекта (*-ни*); в) бесермянское наречие (*-н'иг/-н'ик* ~ *-н'и*) — внутри среднечепецкого ареала; г) кукморский говор периферийно-южного диалекта (непродуктивный суффикс *-н'и*) образует островной ареал. Таким образом, основной ареал морфемы *-н'и* (*-ни*,

⁹Переводы с немецкого — автора.

-н'иг) почти полностью расположен в бассейне р. Чепцы, в пределах Удмуртии — это северные и северо-восточные районы, кроме того, отдельные районы Кировской области на Нижней Чепце. Островной ареал находится на севере Республики Татарстан (Кукморский район).

Используя публикации (Бушмакин 1969 : 61—62; Насибуллин 1972 : 193—194; Загуляева 1980 : 106; Карпова 1991 : 162—163; 2016б : 216—217; Кельмаков 2006 : 127) и свои наблюдения по удмуртским диалектам, обрисую ареал употребления суффикса *-ти*, функционального аналога *-н'и*: северная группа срединных говоров — среднезападные и средне-восточные говоры (в последнем якшур-бодьинский говор и западная часть шарканского говора), северное наречие: крайний юг глазовского говора и кезский говор (спорадически, помимо *-н'и*); кроме того, отдельный островок на юго-западе срединных говоров — т. н. омгинский (север Кизнерского района и соседние удмуртские деревни Вятско-Полянского и Малмыжского районов Кировской области). Отдельный ареал образуют закамские говоры: шагиртско-гондырский (Куединский р-н, Пермский край), буйско-ганыпский, татышлинский (северо-запад Республики Башкортостан).

Большинство исследователей (Кривощеква-Гантман 1967: 117—118; Бушмакин 1969 : 62; Федюнева 1985 : 95) справедливо считают, что суффикс образовался от слова *инты* 'место' (*inti*, по Бушмакину). Некоторые его происхождение связывают с формой переходного падежа, ср. *kiti* 'по какому месту', *ta-ti* 'по этому месту' (Серебрянников 1963 : 147—148; Насибуллин 1972 : 194).

Итак, исследуемые суффиксы в пределах удмуртской языковой территории распределены неравномерно, в большинстве диалектов южной зоны они отсутствуют. Для выяснения причины современного состояния исследуемого объекта проведем реконструкцию развития и распространения обоих суффиксов.

Удмуртский *-н'и* и коми *-ин* восходят к прапермской лексеме *in* 'место' и, возможно, имеют соответствие в венгерском языке, ср. венг. *eny* (< **en*) 'место укрытия от дождя; укрытие (от неблагоприятной погоды)' (КЭСК 109; UEW 592—593). Но общепермским суффиксом его считать нельзя. Еще в праудмуртском, как и в прапермском языке, могли употребляться устойчивые сочетания (имя/причастие + *ин*), но как было показано, результаты развития подобных конструкций в современных пермских языках и диалектах различны. Полагаем, что преобразования на стыке основ в некоторых видах сочетаний — типа *вэтлон+ин* > *вэтлон^н* > *вэтлон'н'и* 'место, где ходят, тропинка', *турнан+ин* > *турнан^н* > *турнан'н'и* 'место, участок, где косят, покос', *вандон+ин* > *вандон^н* > *вандон'н'и* 'место, где отрезают голову животному, атлант, атлас' — начались уже в диалектах праудмуртского языка. Подобные формы употреблялись параллельно, при этом слово с формантом *-н'и*, по-видимому, осознавалось как вариант сложного словосочетания на *ин* с соответствующей основой. Процесс появления полнокровного суффикса и лексико-семантической группы с общей семантикой 'место действия', на наш взгляд, приостановился с появлением новой лексемы **инти* (**inti*) 'место'. Возможно, форма переходного падежа (пролатива) обобщилась как лексема со значением 'место; местность' (вообще), ср. *кытi* (*kiti*) 'где, по какому месту', *татi* (*ta-ti*) 'здесь, по этому

месту', та *инти (та *инти) 'по этому месту' (< та *ин / та *ин 'это место') > та *инти (та *инти) 'это место' > *инти (*инти) 'место'.

Новое слово могло возникнуть в результате омонимического отталкивания: ин 'место' / ин 'небо'; ср. коми ин 'место' / ен 'небо; бог' > енэж 'небо', ен 'бог'. С другой стороны, возможно давление со стороны фонетической структуры, поскольку в современном удмуртском языке односложны преимущественно служебные слова и некоторые наречные формы, а среди односложных знаменательных слов распространены структуры CVC, в то же время двусложные слова, как и в финно-угорском языке-основе, составляют большую часть — 30.4 % (Насибуллин, Дудоров 1992 : 243) — лексики удмуртского языка, при этом процент двусложных существительных (особенно непроизводных) может быть значительно выше. Вновь возникшая лексема *инти 'место' вытеснила ин 'место', вследствие чего развитие суффиксального элемента, по нашему предположению, пошло в трех направлениях.

1) В одних диалектных группах вместо устойчивых сочетаний (имя/причастие + ин) стали употребляться сочетания (имя/причастие + инти), например: *вэтлон ин > вэтлон инти 'место, где ходят', *чигэм ин > чигэм инти 'сломанное место; перелом' и т. д.

2) В других диалектных группах процесс был аналогичным, но некоторые формы успели лексикализироваться, ср. кукм. *vandoñ-ñi* 'место, где перерезано горло животного при убое', *ósoñ-ñi: ósoññijam koškiz* 'меня затошнило', досл. 'пошло в мое рвотное место' (*óson* 'рвота') (Кельмаков 1970 : 283). Примеры фактически не имеют отношения к локальности, к тому же лексема *vandoñni*, по-видимому, служила сакральным термином — место перерезания горла жертвенному животному. Слово *ósoñni* (сев. *óskon'n'u*) букв. 'место, где тошнит' также связано с физиологией и далеко отошло от первоначальной семантики локальности. Таких слов могло быть больше, при этом они, с одной стороны, обозначали конкретный объект (предмет), а потому их формант (суффиксоид) не был заменен словом *инти. С другой стороны, их основа отчетливо соотносилась с соответствующим глаголом, а конечный формант коррелировал с *инти 'место', но не был тождествен ему.

3) В третьей группе диалектов, в которых грамматикализация морфемы ин > -н'и зашла глубже, начался иной процесс:

вэтлон+ин > *вэтлон^ин* > *вэтлон'н'и* ~ *вэтлон* + *инти > *вэтлон^инти* > *вэтлон(н)ти* > *вэтлонти* 'место, где ходят; тропинка';

турнан+ин > *турнан^ин* > *турнан'н'и* ~ *турнан* + *инти > *турнан^инти* > *турнан(н)ти* > *турнанти* 'место, участок, где косят; покос'.

Иначе говоря, появилась новая морфема на основе трансформации слова со значением 'место'.

Судьба описываемых суффиксов связана с расселением удмуртов по территории современного проживания. В формировании северных удмуртов и бесермян могли участвовать те диалектные группы, в языке которых процесс образования суффикса -н'и стал затухать, но сохранялись некоторые лексикализованные формы. Почему же именно на Нижней и Средней Чепце этот суффикс стал наиболее продуктивным? Мы полагаем, что причину следует искать в контактах северных удмуртов (и бесермян) с коми населением. Импульсом для реанимации суффикса -н'и могли стать устойчивые сочетания слов с

компонентом *ин*, в целом локального значения. В ходе расселения удмуртов вверх по Чепце и ее притокам эта морфема проникла на северо-восток современной Удмуртии и южнее — до некоторых срединных говоров (Шарканский район).

Фонетическая структура исследуемых слов вступила в противоречие с фонетическими процессами в северо-восточных и срединных говорах, для которых регрессивная ассимиляция по палатальности не характерна. В таком случае невозможны процессы: $-н + -н'и > -н'н'и$; $-н + -йа- > -н' + -йа- > -н'н'а-$. Вместо этого произошла прогрессивная ассимиляция по веларности: $-н + -н'и > -нни$; $-н + -н'а- > -нна-$, ср. сосн. шарк. *aranni* 'место жатвы', *turnanni* 'покос; участок для косьбы'; сред. *аранназы* 'на жатве'.

Диалекты третьего типа (с морфемой *-ти*) распространились на территории Удмуртии по р. Кильмези и ее притокам — до юга Удмуртии, кроме того, активно участвовали в формировании диалектов Закамья. Позже на юге Удмуртии появилось население, в языке которого локальный суффикс не сформировался, чем объяснимо отсутствие такого суффикса здесь. Отметим, что конечный гласный лексемы **инти* (**inti*) > *инты* (**inti*) 'место' претерпел изменение, по-видимому, по аналогии, поскольку большинство двусложных существительных с узким гласным в финале имеют огласовку *ы* (*ь*), а не *и*.

8. Заключение

Условия для возникновения суффикса *-ни/-ин* с локальной семантикой существовали еще в прапермском языке, в котором употреблялось слово *ин* 'место'. Процесс превращения его в морфему наиболее интенсивно протекал в праудмуртских диалектах, что было обусловлено фонетической трансформацией на стыке основ отглагольных существительных на $-(o)н$ и лексемы *ин*. Однако процесс приостановился, поскольку *ин* вытеснило образовавшееся слово со значением места **инти* (**inti*) (< *ин + -ти*). Далее образование суффикса приобрело разные векторы. В одних диалектных группах оно остановилось; в других в него было втянуто слово **инти*, в результате возник суффикс с локальными значениями *-ти*. В диалектах северных удмуртов (бассейн р. Чепцы) процесс грамматикализации *ин* (> *-н'и*) был реанимирован благодаря контактам с коми населением, в языке которого для локальных объектов употреблялись сочетания имен с *ин*.

Суффикс *-н'и* с первоначальным значением места действия в дальнейшем приобрел семантические оттенки, не всегда связанные с местом. К примеру, слова на *-н'и* (с притяжательным аффиксом) в местном падеже передают временно-процессуальное значение. Фонетически трансформированный морфемный ряд $-(o)н'н'а-$ (< $-(o)н + н'и + -а-$ + притяжательный суффикс) можно рассматривать как отдельный суффикс. Словоформы с данной морфемой функционально приближаются к деепричастиям на *-ку* с семантикой времени (одновременности). Аналогичная морфема $-(o)н'н'ига-$ функционирует и в бесермянском наречии и восходит к *-н'иг* (< *-н'и*).

В коми языках грамматикализация компонента *ин* осталась незавершенной, что связано в первую очередь с функционированием в язы-

ке соотносимого знаменательного слова со значением 'место'. С другой стороны, функция выражения абстрактного, временного и других значений прекратила развиваться, не выдержав конкуренции с другими морфемами, а также, возможно, из-за иноязычного влияния, которое привело к изменению когнитивных установок.

Address

S. A. Maksimov
The Udmurt Institute of History, Language and Literature (Izhevsk)
E-mail: makser02@yahoo.com

Сокращения

Диалекты: **виш.** — вишурский подговор (сред.); **вч.** — верхнечепецкий диалект (сев.); **закам.** — закамские говоры (= диалекты Закамья), периферийно-южный диалект; **глаз.** — глазовский говор (сев.); **прап.** — прапермский языко-основа; **сев.** — северное наречие; **срв.** — средневосточный диалект; **сред.** — срединные говоры; **срз.** — среднезападный диалект; **сосн.** — сосновский подговор (сред.); **сч.** — среднечепецкий диалект (сев.); **шарк.** — шарканский подговор (сред.); **юдз.** — южная диалектная зона; **юж.** — южное наречие; **як.-бод.** — якшур-бодьинский говор (сред.).

УРС 1983 — Удмуртско-русский словарь. Москва.

ЛИТЕРАТУРА

- А л а ш е е в а А. А. 1982, Верхнечепецкие говоры I. — Образцы речи удмуртского языка, Ижевск, 91—105.
- Б о р и с о в Т. К. 1991, Удмурт кыллюкам. Толковый удмуртско-русский словарь, Ижевск.
- Б у б р и х Д. В. 1949, Грамматика литературного коми языка, Ленинград.
- Б у ш м а к и н С. К. 1969, Морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка. — СФУ V, 59—69.
- В а х р у ш е в В. М. 1959, Об особенностях говоров северного диалекта удмуртского языка. — ЗУдмНИИ. Вып. 19, Ижевск, 228—241.
- З а г у л я е в а Б. Ш. 1980, Морфологические особенности прикильмезских говоров удмуртского языка. — Специфические особенности лексики и грамматики уральских языков, Tartu (FU 6), 103—109.
- К а р п о в а Л. Л. 1990, О некоторых морфологических особенностях дёбинского говора. — Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка, Ижевск, 66—84.
- — 1991, О некоторых вопросах словообразования имен существительных в дёбинском и чурашурском говорах удмуртского языка. — Вихманн и пермская филология, Ижевск (Пермистика 2), 160—169.
- — 2005, Среднечепецкий диалект удмуртского языка. Образцы речи, Ижевск.
- — 2016а, Морфологические особенности имени существительного нижнечепецкого диалекта удмуртского языка. — Вестник Удмуртского университета. История и филология. Т. 26. № 3, 107—114.
- — 2016б, Морфологические различия в северных диалектах удмуртского языка. — LU LII, 209—227.
- К е л ь м а к о в В. К. 1969, Кукморский диалект удмуртского языка. Диссертация кандидата филологических наук, Москва.
- — 1981, Образцы удмуртской речи. Северное наречие и срединные говоры, Ижевск.
- — 1992, Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах, Ижевск.

- — 2006, Краткий курс удмуртской диалектологии. Учебное пособие для высших учебных заведений, Ижевск.
- К р и в о щ е к о в а - Г а н т м а н А. С. 1967, О грамматизации самостоятельных слов. На материале пермских языков. — Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. IV, Ижевск, 114—122.
- — 1985, Краткий грамматический очерк коми-пермяцкого языка. — Коми-пермяцко-русский словарь, Москва, 595—621.
- Л ы т к и н В. И. 1961, Коми-язьвинский диалект, Москва.
- Л ы т к и н В. И., Т е п л я ш и н а Т. И. 1959, Некоторые особенности глазовского диалекта. — ЗУдмНИИ. Вып. 19, Ижевск, 218—227.
- Л ю к и н а Н. М. 2016, Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян, Ижевск.
- М а к с и м о в С. А. 1998, К вопросу о суффиксе *-n'i* в удмуртском языке. — История и культура финно-угорских народов. Материалы международной студенческой научно-практической конференции, Глазов, 40—45.
- Н а с и б у л л и н Р. Ш. 1972, Суффикс *-ti* в закамских говорах удмуртского языка. — СФУ VIII, 193—196.
- Н а с и б у л л и н Р. Ш., Д у д о р о в В. Ю. 1992, Обратный словарь удмуртского языка, Ижевск.
- С е р е б р е н н и к о в Б. А. 1963, Историческая морфология пермских языков, Москва.
- Т е п л я ш и н а Т. И. 1955, Тыловайский диалект удмуртского языка. Диссертация кандидата филологических наук, Москва.
- — 1970а, Нижнечепецкие говоры североудмуртского наречия. — ЗУдмНИИ. Вып. 21. Филология, Ижевск, 156—196.
- — 1970б, Язык бесермян, Москва.
- У с а ч е в а М. Н., С е р д о б о л ь с к а я Н. В. 2015, Грамматикализация новых деепричастных форм на *-оннига-* в бесермянском удмуртском. — Типология морфосинтаксических параметров. Сборник материалов международной конференции, Москва, 366—391.
- Ф е д ю н е в а Г. В. 1985, Словообразовательные суффиксы существительных в коми языке, Москва.
- K e l m a k o v, V., S a a r i n e n, S. 1994, Udmurtin murteet, Turku—Iževsk.
- M u n k á c s i B. 1990, A votják nyelv szótára, Pécs.
- W i c h m a n n, Y. 1901, Wotjakische Sprachproben II. Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen, Helsingfors (JSFOu XIX: 1).
- W i e d e m a n n, F. J. 1880, Syrjänisch-Deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutschen und mit einem deutschen Register, St. Petersburg.